

Сундуева Е. В.

ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается функционирование обценной лексики в бурятском языке в качестве высказываний с различными целями, междометий и пейоративов. За основу взяты данные баргузинского говора бурятского языка, в достаточно полном виде сохранившего лексику указанного семантического поля. Выявлено, что бурятские обценные слова не используются в речи с целью посылки, божбы и в качестве нейтральной вставки. В роли междометий, передающих крайнюю пестроту и разнообразие эмоционально-смысловых оттенков (испуг, удивление, восхищение, сожаление и пр.), выступает сверхчастотная диада: *үтэгэн* ‘*vulva*’–*озгой* ‘*penis*’, составляющая ядро обценной лексики западных говоров бурятского языка. Анализируемые в работе формулы, имеющие внешнее сходство с предложениями, представляют собой проклятья, направленные на прекращение рода. Эквивалент третьего компонента «обценной триады» в русском языке со значением ‘*futuere*’ не столь продуктивен в бурятском языке. Автором рассматривается этимология некоторых слов данного семантического поля, описываются некоторые способы защиты от проклятий. Применение обценной лексики в бурятском языке не ограничивается разговорной речью. Ее можно встретить в шаманских призываниях, связанных с продолжением человеческого рода и избавлением от бесплодия.

Ключевые слова: бурятский язык, говор, лексика, междометие, пейоратив.

Обценная лексика представляет собой самобытный пласт лексики, включающий вульгарные, грубые бранные выражения, как правило, выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную ситуацию. В статье в основном привлекаются данные баргузинского говора бурятского языка, в достаточно полном виде сохранившего лексику указанного семантического поля. Для обозначения действия в баргузинском говоре используется глагол *шошо-* ‘ругаться, браниться’. Данное значение развилось на базе основного п.-монг. *šoši-, soši-* ‘вздрагивать, содрогаться, испугаться вдруг, страшиться, бояться’ (Kow. 2211), монг. *цочи-*, бур. *шошо-*, *сошо-* ‘пугаться; вздрагивать’, поскольку именно испуг сопровождается произнесением бранных формул. Значение же ‘пугаться’ в баргузинском говоре выражается посредством глагола *залд гэхэ*. В литературном бурятском языке используется глагол *бэлиндэхэ, бүлиндэхэ* ‘говорить непристойности’, образованный от существительного *бэлин* ‘непристойность, неприличная вещь, сальность’.

Глагол п.-монг. *qariya-* (Kow. 842), монг. *хараа-*, бур. *хараа-*, калм. *хара-*, ойр. *хараа-*, орд. *харā-*, даг. *харā-, karā-, harā-*, дунс. *qara-*, бао. *хара-*, монгол. *харā-* (EDAL: 781) ‘сквернословить, ругаться, бранить; проклинать’, по мнению Т. Г. Басанговой, соотносим с обозначением черного цвета (Басангова, 2008: 120). Действительно, семантика глагола в первую очередь ассоциируется с прилагательным *qar-a* ‘черный’ (т. е. *хараа-* ‘чернить, очернять’). Как пишет А. С. Архипова, эта этимология не выдерживает лингвистической критики, но позволяет произвести вторичную зависимость проклятья от черного цвета... В современной монгольской и тюркской культурах «проклинатель» превратился в «очернителя» (Архипова, 2008: 20).

На наш взгляд, данный глагол восходит к звукоподражанию *qar*, характеризующемуся громкостью и грубостью. В «Этимологическом словаре алтайских языков» Пмонг. форма **kara/ija-* сопоставляется с Птунг. **xēri-* ‘кричать, звать’, Птюрк. **Karga-* ‘ругать, проклинать’ (EDAL: 781–782). Следует отметить, что Э. В. Севортыян допускает подражательное происхождение корня глагольных основ *гаргы-*, *гарга-* (ЭСТЯ: 305). Тяготение эмоционально-оценочного компонента в сторону отрицательной оценки наблюдается в других глаголах с корневым согласным *r*: п.-монг. *tar-mur ki-*, монг. *мар-мур хий-* ‘немного поссориться, повздорить’; п.-монг. *марчу-* (Less. 529), монг. *марга-*, калм. *марh-*, ойр. *марha-* ‘спорить, дискутировать’; п.-

монг. *iryа-* (Ков.: 323), монг. *ярга-* ‘спорить, противиться’; п.-монг. *šaryа-*, монг. *шарга-* ‘спорить; противоречить’.

Также в халха-монгольском языке используется глагол *зүх-* ‘проклинать, ругать, бранить’ (*харааж зүхэх* ‘метать громы и молнии’). В «Бурятско-русском словаре» значение ‘проклинать’ лексемы *зүхэ-* дано как переносное от ‘шам. воздевать на шест (шкуру жертвенного животного с головой и ногами, печенью и почками, с некоторым количеством сена); протыкать, втыкать’ (Шагдаров, 2006: 420).

Выделяются такие сферы применения обценной лексики, как собственно ругательства и экспрессивные заменители нетабуированных выражений. Собственно, ругательства представляют собой высказывания с целью (посылки, отказа, выражения безразличия, божбы) и высказывания без цели (междометия, пейоративы, вставки) (Левин, 1998: 809–819). Бурятские обценные слова не используются в речи с целью божбы («если обещанное не произойдет (или описываемое не происходило), то считайте меня плохим человеком») и в качестве нейтральной вставки.

Высказывания с целью посылки (рус. *иди на / в...*) в баргузинском говоре не используются, за исключением выражения: *Нохойн хонзоо руу ороорой!* ‘иди в собачий зад’, где *хонзооһон*, лит. *бүгсэ* ‘зад’. Образный корень лексемы **qonj / qond*, отсылающий к образу ‘нечто выпуклое’, также дал такие слова, как бур. *хондой-*, калм. *хондаа-* ‘быть выпяченным (о заде человека или крупе лошади)’, п.-монг. *qondulai* ‘ляжка, верхняя часть лядвей’ (Ков. 869), монг., бур. *хондой* ‘ягодицы; зад (человека); круп (лошади)’, монг. *хондцаг* ‘седалище’, калм. *хондсх* ‘зад, круп (животных)’.

Эквивалентами ругательств с целью посылки следует признать формы, оканчивающиеся на аффикс 2-го л. ед. ч. повелительно-желательного наклонения *-аарай* (*-ээрэй / -оорой*). Примечательно, что данный аффикс присоединяется к субстантивным основам, что противоречит грамматическим законам монгольских языков. Например, *бааһарай* от п.-монг. *bayasun* ‘кал, помет, испражнения’ (Ков.: 1057), монг. *баас*, бур. *бааһан*, калм. *баасн* ‘кал, экскременты’; *хонзоорой* от бур. зап. *хонзооһон* ‘зад’; *хонзоони захарай* от бур. *заха* ‘край, окраина’; *шэшүүрэй* от бур. лит. *шэшэһэн*, бур. зап. *шэшүүһэн* ‘понос’.

Напрашивается вывод о том, что эти формы возникли в результате стяжения словосочетания с неким глаголом, предположительно п.-монг. *иде-* ‘вкушать’ (Ков.: 291), монг. *ид-*, бур. *эди-*, калм. *ид-* ‘есть, кушать’: *бааһарай* ← *бааһа эдээрэй* ‘съешь кал’. В речи бытуют бранные выражения с данным глаголом: *нохойн бааһа эдээрэй* ‘съешь собачий кал’; *озогой эди*, где монг. *озгой*, *аазгай*, бур. *озогой* ‘простореч. половой член, пенис’. По свидетельству носителей тункинского говора бурятского языка, в ответ на последнее ругательство нередко следует ответ *дабхар эди* ‘съешь вдвойне’. Здесь глагол представлен в форме основы без присоединения аффикса, относится к единственному числу и выражает самое категоричное побуждение.

Лексема *озгой* восходит к образному корню **ој* ‘нечто торчащее, прямое’, значение которого прослеживается в производных фонетически близкого корня **yoј*: п.-монг. *yoјуур* ‘поднятый вверх, вытянутый, прямой’ (Ков.: 1036), монг. *гозгор*, бур. *гозогор*, калм. *һозһр* ‘торчащий, заостренный, поднимающийся вверх’, п.-монг. *yoјуи-* ‘подняться, выпрямиться’ (Ков.: 1035), монг. *гозой-*, бур. *гозой-*, калм. *һоза-* ‘стоять, торчать, подниматься’, монг. *гозго гозго гэ-* ‘поднимая вверх выпрямлять, ставить торчком’ и др. Ш. Одонтөр также связывает семантику лексемы с образными глаголами: *годгонох* ‘торчать, принимать вертикальное положение’, *гозогнох* ‘торчать’ (Одонтөр, 1996: 34).

В роли междометий, передающих крайнюю пестроту и разнообразие эмоционально-смысловых оттенков (испуг, удивление, восхищение, сожаление и пр.), выступает сверхчистотная диада: *үтэгэн* ‘*vulva*’–*озгой* ‘*penis*’, составляющая ядро обценной лексики западных говоров бурятского языка. Первая лексема представлена лишь в «Большом академическом монгольско-русском словаре»: монг. *үтэг*, *үтүгэн* ‘женский половой орган’ (БАМРС III: 428). Также в древней форме она зафиксирована в переносном значении в виде теонима: п.-монг.

etügeni ‘shamanistic goddess of the earth’ (Less. 335), монг. *этүгэн* ‘устар. земля’, *этүгэн эх* ‘мать сыра земля (древнее название земли и духа земли)’ (БАМРС IV: 440). Теоним *Этүген-эхэ* номинирует в мифологии монгольских народов обожествленную землю, неперсонифицированное божество земли как плодородящее женское чрево. С. Ш. Чагдуров предполагает обратное развитие значения: «От осмысления функции матери-земли без внешних структурных изменений семантически ответвлено бур. *üt-ii-gen* в значении ‘женский детородный орган, орган плодородия’. По мнению ученого, «в современном бурятском языке восклицание *үтүгөө* может быть принято, как обращение к *ötögön* – к «матери-земле», «богине-земле», соответствующее рус. *о мать моя, о боже*» (Чагдуров, 1980: 153).

Междометие-слово *үтэгээ*, *үтэгөө* восходит к междометиям-предложениям: *үтэгээ хата*, *үтэгээ хатаарай*, *үтэгээ хатыш*, где глагол *хата-* имеет значение ‘сохнуть, засыхать, высыхать’. Данные формулы, имеющие внешнее сходство с предложениями, представляют собой проклятья (*хараал*), направленные на прекращение рода. Эта ритуальная формула оказалась достаточно стабильной, относительно мало изменяясь со временем. Однако, как видно, с течением времени она подверглась переосмыслению, обусловленному включением в мифологические коды. По свидетельству Б. Цэрэндоржа, в настоящее время в Монголии детям стали давать имя *Этүгэн*.

Кроме того, в речи баргузинских бурят функционируют междометия *утабаа*, *утабаа хата* и *утабаа хатаарай*, сочетание архаизма *утабаа* с глаголом *хата-* позволяет предположить о том, что он также являлся обозначением женского начала. Равно как и в рассмотренных выше ругательствах, существительные *үтэгээ* и *утабаа* могут принимать глагольный аффикс *-аарай / -ээрэй*: *үтэгээрэй*, *утабаарай* в результате выпадения глагола *хата-*. Примечательно, что данный суффикс может присоединяться и к русским междометиям: *бот тебе наарай* от рус. *вот тебе на*. В качестве междометия встречается и глагол *хата-* (*хаты-ы!*), т. е. происходит усечение как второй, так и первой «общенной» части формулы.

Другая форма *үтэгэниинь* произошла от *үтэгэниинь унаа*, где *уна-* ‘падать; отваливаться’, *үтэгэниинь таһараа*, где *таһар-* ‘отрываться, рваться’, *үтэгэниинь тэһэрээ*, где *тэһэр-* ‘разрываться; лопаться’. Те же глаголы сочетаются с лексемой *хонзооһон* ‘зад’: *хонзоониинь унаа*, *хонзоониинь таһараа*, *хонзоониинь тэһэрээ*. Здесь глаголы находятся в форме причастия настоящего-прошедшего времени на *-аа* (*-ээ / -оо / -өө*), обозначающего действие, совершившееся до момента речи или непосредственно перед моментом речи. В других говорах зафиксированы междометия *үтэгөө маажса*, где *маажса-* ‘чесать, царапать; соскребать’, *бүгсөө маажса*, где *бүгсэ* ‘зад’, *үтэгээ сайг*, где *сай-* ‘белеть’. В последнем случае глагол оформлен аффиксом *-г* 3-го л. ед. ч. повелительно-желательного склонения.

С лексемой *озогой* ‘*penis*’ встречаются следующие междометия: *озогой*, *озогойн толгой* ‘головка полового члена’, *озогойниинь таһараа*, *озогойёо таһараарай*, где *таһар-* ‘отрываться, рваться’, *озогойёо татаарай*, где *тата-* ‘тянуть’. В хоринском диалекте в качестве междометий используются *бүлдэгэн*, *бүлдэгөө татаарай*, где п.-монг. *böldegen*, *böldügen* ‘яйцо шулятное, ядро’ (Kow.: 1238), монг. *бөлдөг(өн)* ‘мужской половой орган; шулята’, бур. *бүлдэгэн* ‘мошонка животных; мужские половые железы, шулятные яйца’, в боханском говоре – *бороошко* от *борооихо* ‘уменьш. *penis*’.

При общем значении рассмотренных выше формул, направленных на прекращение рода, семантически «выбивается» междометие *халдагаа бариш* (с. Арзгун Курумканского р-на), где п.-монг. *qaldaγa* ‘мужской детородный уд’ (Kow.: 799), монг. *халдага*, бур. *халдага* ‘мужской половой орган, пенис’. Глагол *бари-* здесь находится в форме 1-го л. повелительно-желательного склонения, и в данной формуле может переводиться как ‘схвачу-ка я [себя за *penis*]’. Семантика междометия, возможно, связана с желанием сохранить «самое сокровенное» в момент опасности. С просьбой о спасении связаны бурятские междометные единицы, восходящие к названиям высших небесных сил в религиозном культе: *бурхан* от *бурхан* ‘бог, боже-

ство', *бурхан зайлуул* 'избави, боже', где *зайлуул*- 'устранять', бур. зап. *Эсэгэ Малаан* (имя верховного божества в мифологии бурят и монголов), *лас-тос боостобой*, где *лас-тос*, очевидно, звукоподражание, *бостобой* от рус. *бог с тобой*. Ср. англ. *Jesus, God, Lord*, рус. *боже мой, господи* и пр.

Бытующее в боханском говоре междометие *үккэрээр, иккэрэй* представляет собой возглас *А хуруй!* применяющийся в ритуальных обрядах как «призывание» или просьба благодати. Примечательна другая версия информантов, согласно которой форма восходит к словосочетанию *үхэдэл ерэхэгүй* 'смерть не придет'. В баргузинском говоре не распространены междометия, образованные от названий персонажей низшей мифологии: *боохолдой* 'дух', *шүдхэр* 'черт'. Полная форма *шүдхэр абаг, шүдхэр абаашаг* совпадает с рус. *черт побери*: – *Шүдхэр абаг, арбаад шахуу жэл соо харалсаагүй ябаһанаа шигээжэ уулзахада гоёл байна даа* [А. Жамбалдоржиев] 'Черт побери, как же здорово так встретиться через десять лет'.

Как пишет Ю. И. Левин, пейоративы – это обценные выражения, направленные на адресата, но не имеющие непосредственной прагматической цели, а лишь экспрессивную (выразить свое отношение к адресату) и конативную (оскорбить) цель (Левин, 1998: 812). В качестве пейоративов лексемы *үтэгэн* 'vulva'–*озгой* 'penis' не выступают, однако могут входить в состав бранных формул. Например, *үтэгээ хахараан* (бур. лит. *хахарһан*) [*амитан*], где причастие прошедшего времени *хахараан* 'рванный' функционирует как определение к слову *амитан* 'живое существо; животное'.

Следует отметить, что в баргузинском говоре представлено большое количество пейоративов, в которых глагол оформлен аффиксом причастия прошедшего времени *-аан / -ээн / -оон* (бур. лит. *-һан / -һэн / -һон*). При этом довольно часто определяемое *амитан* опускается: *үхэжэ үгэй болаан* (досл. 'умерев, исчезнувший'): *Ай, үхэжэ үгэй болаани хайшан гэнэ!* 'Что же делает этот, умерев, исчезнувший'. Часто встречается пожелание провалиться сквозь землю: *хара газар доро ораан* 'провалившийся сквозь землю', *газар үрхөөр ораан* 'провалившийся сквозь земной дымоход'. По свидетельству Г. С. Базаровой, в конкретном месте в горах есть расщелина, в которую даже бросали бревна, и не было слышно, как они падают (записано от Г. С. Базаровой, 1956 г. р., *шүбтэхэй шоно*). В Тункинских гольцах есть озеро карстового происхождения *Газар-Аман* 'рот земли'. «Другой подобный водоем носит название *Газар үрхэ* 'светодымовое отверстие земли'. Последнее наименование показывает воззрения бурят на структуру известного им мира, согласно которым мир представляется трехслойным: в земной, средний мир людей выходит светодымовое отверстие подземного мира. Само же подземелье рисуется в традиционном мировоззрении в образе жилища, на что указывают его описания, встречающиеся в фольклоре, терминологией жилищно-поселенческого комплекса» (Содномпилова, 2009: 107).

В других формулах пожелания смерти адресату смерть желается иносказательно, метафорично и описательно: *газарта зоогдаан* 'вкопанный в землю', *габада хабишуулаан* 'защемленный в расселине', *хоёр габада шаагдаан* 'вбитый между двумя расселинами', *шорой һораан* 'землю вдохнувший', *шуһаа эдяан* 'кровь свою пивший', *хоёр нюдэндөө шорой ороһон* 'с глазами, полными песка', *нюдөө шэргэан, хоёр нюдөө һугаржа гараан* 'с впавшими глазницами', *нюдөө тэһэраан* 'с лопнувшими глазами', *нюдөө улайгаан* 'с красными глазами', *яһаа гараһан* 'с торчащими костями', *яһаа сайгаан* 'с белеющими костями', *тархья таһараан* 'с оторванной головой', *шонод эдюулаан* 'съеденный волком', *нохойд таттуулаан* 'собакой разорванный' и пр. Второй компонент выражения *гал гаан*, по всей видимости, представляет собой форму причастия прошедшего времени от глагола *аһаха* 'охватывать (о пламени)' < *гал аһаһан* 'охваченный пламенем'. Как пишет Т. Г. Басангова, образцы, адресованные частям тела и органам человека, связаны с тем, что душа, согласно народной астрологии, меняет свое местонахождение в течение лунного месяца. Чтобы проклясть человека, необходимо знать, где находится душа в этот день (Басангова, 2008: 122). Таким образом, по своему первоначальному смыслу брань является не оскорблением, а, скорее, заклинанием, заклятием, проклятием.

В художественной литературе нам встретился пример божбы с подобными формулами-проклятиями: *Аюул боложо алдаанаа, тодхор боложо тоногдоо наа, хоёр нюдэмни тэһэржэ урдаад, хорхойн хүнэһэн болуужан! Үһэтэ хара тархимни таһаржа унаад, үтэ хорхойн хоол болуужан!* (Д. Батожабай) ‘Если к несчастью я потеряю [деньги], если на беду меня ограбят, то пусть мои глаза лопнут, вытекут и станут пищей для червей. Пусть черная головушка моя оторвется и будет съедена червями’.

Примечательно, что пожелание смерти в столетнем возрасте раньше встречалось в традиционных благопожеланиях: *Жара хүрэжэ жаргажа, дала хүрэжэ дэлгэржэ, ная хүрэжэ налайжа, ерэ хүрэжэ ербыжэ, зуу хүрэжэ зубалгада хахажа үхөөрэй!* ‘Достигнув 60-летнего возраста, наслаждайся, достигнув 70-летнего возраста, процветай, достигнув 80-летнего возраста, живи в спокойствии, достигнув 90-летнего возраста, будь статным, достигнув 100-летнего возраста, падалью поперхнувшись, умри’. Также известна формула: *Зуу хүрэжэ зумариин нүхэндэ торожо унаад үхөөрэй!* ‘Достигнув 100-летнего возраста, запнувшись о нору суслика, умри’. В последнее время стали избегать пожелания смерти и изменили формулу на *зуу хүрэжэ зумариин нүхэ тойроод гараарай* ‘достигнув 100-летнего возраста, обойди стороной нору суслика’, либо *зуу хүрэжэ зурыжа ябаарай* ‘будь стройным в возрасте 100 лет’.

Эквивалент третьего компонента «обсценной триады» в русском языке со значением ‘future’ не столь продуктивен в бурятском языке. Глагол монг. *ох-*, бур. *охо-* ‘иметь половые отношения’ представлен лишь в пейоративе селенгинского говора *ёоххомор*, возникшем в результате стяжения словосочетания *эхээ охомор*, где *эхээ* ‘свою мать’. Также известна форма в оформлении двух показателей множественности: *ёоххомодууд*. В халха-монгольском языке представлена формула *эхийгээ авмар* ‘женившийся на собственной матери’.

Формант *-мар* (*-мэр* / *-мор* / *-мөр*) образует ограниченное количество существительных от глагольных основ: *зөөмөр* ‘грузчик’, *үзмэр* ‘экспонат’, однако в сфере обсценной лексики больше придает оттенок пожелания совершения действия, что сближает его с формой причастия возможности на *-маар*. Ср. монг. *баяжиж үхмэр* ‘чтобы умер, разбогатев’, *нүдэнд нь өвдөг, хамарт нь хатиг ургамар* ‘чтоб на глазу его выскочил ячмень, чтобы на носу вырос фурункул’, ойр. *Ойр чинь өвс ургашигүй / Үргэлж мөнх гагцаараа явмар! / Уудагтаа ус хийж / Унадагтаа чулуу тохмор!* ‘Чтобы рядом трава не росла, / Чтобы вечно в одиночестве был! / Чтобы в посуде лишь вода была, / Чтобы на коня камни грузил!’ (Ойрад..., 1994: 127).

В бурятском языке представлены пейоративы *адхамар* ‘непутевый, негодник, паршивец’, *адхамар шудхамар* ‘негодяй, пьянчуга’ (Шагдаров, 2006: 40): *Үргэһэн үдхэһэн аша буян-гымни һанаха мэдэхэ нүхэ солоохойгүй адхамар байгаа гэшиэ* (Х. Намсараев) ‘Что за круглый дурак, не помнящий о том, что его воспитали’. Возможно, лексема восходит к словосочетаниям *хургаа адхамар* ‘пальцы свои сжавший’, *шуһаа шудхамар* ‘кровь свою пьющий’ (ср. баргуз. *шуһаа эдихэн*). В Закаменском районе РБ была записана более полная формула: *Алаг нюдээ аняарай, арбан хургая адхаарай* ‘Очи карие свои сомкни, десять пальцев своих сожми’. Монгольская формула *яранд идүүлж, яс нь цаймар* ‘чтобы язвочки съели, чтобы кости побелели’ семантически схожа с баргузинской формой *яһаа сайгаан* ‘с белеющими костями’, разница лишь во времени, передаваемом причастиями: *-маар* указывает на желательность реализации действия в будущем, а *-һан* – на уже свершившееся действие.

В с. Баянгол Баргузинского района нами был записан заговор от проклятья, настигшего человека в виде болячки в носу. После вечерней дойки следовало выйти в скотный двор и шепнуть на ухо черной корове (*харагшан үнээнэй шэхэндэ*): *Энээхэн хара хүнэй хараарайнь саашань абышта түргөөр, хамарайм муухай ярые* ‘Это проклятье черного человека быстро унеси подальше, страшную болячку в моем носу’. Считалось, что болячки появлялись в результате проклятия недоброго человека. Также произносилось обращение к самой болячке: *Хоногто хоножо, хондолойдо бү шэнгыштаа* ‘Сутки ночуя, в доме не останься’. Черная корова должна была за сутки избавиться от болячки (*тэрэ ярые хээрээ гээгээд ерэхэ байгаа*) (записано от З. Ц. Ламуевой, 1944 г. р., род *шүбтэхэй шоно*).

Считается, что избавиться от бородавок можно, обмыв их курунгой (молочный напиток вроде кумыса) своего дяди по материнской линии (*нагасын хүүрэнгөөр аришаха*). Монголы при появлении у детей болячек во рту их натирали разогретыми удилами лошади либо ремнем от штанов, принадлежащими дяде по матери. Также их лечили многократным полосканием овечьим, козым или коровьим молоком (Чүлтэмсүрэн, 2015: 123). Как пишет М. М. Содномпилова, образ дяди по матери, представленный в фольклоре монгольских народов, архаичных ритуальных практиках, показывает его высокий социальный статус в родственных взаимоотношениях, который даже превосходит статус родного отца ребенка (Содномпилова, 2014: 102). При заговоре от болезни ребенка гладили по голове и говорили: *Үдэр үзээгүй, хоног хоноогүй, ойн оротоноор, хадайн хамнагаар арилаарай* ‘не видя дня, не видя ночи, через лесных орочонов, через горных хамниганов уходи’ (о болезни) (записано от Р. С. Аглеевой, 1947 г. р., *шүбтэхэй шоно*). Здесь наблюдается, что болезнь должна не просто остаться в поле, а перейти через соседних эвенков.

Что касается сферы применения обценной лексики в бурятском языке, то она не ограничивается разговорной речью. Ее можно встретить в шаманских призываниях, связанных с продолжением человеческого рода и избавлением от бесплодия. Например, в тексте призывания онгона чадородия Эргил-Буга-нойона божество-андрогин наделяется исключительными физическими данными: *Охолдохо бүри хүбүү заяагты, / Тэбэрилдэхэ бүри басага заяагты! / Ургайн шэнээн озогойтой, / Уутайн шэнээн үтэгэтэй бурхан!* ‘При каждом воссоединении сыновей даруйте, / При каждом объятии дочерей даруйте! / С фаллосом величиной с шест, / С вагиной величиной с мешок божество!’. Как пишет Л. С. Дампилова, эротико-сексуальная символика, включающая сквернословия, фаллические атрибуты, бесчинное поведение, будучи в религиозном контексте лишённой аморализма, выполняет социальные функции восполнения рода и обеспечения фертильности женщин (Дампилова, 2012: 186, 179).

Таким образом, обценная лексика, формируя круг выражений, окрашенных в яркие и своеобразные цвета, очень емка по своим интонационно-смысловым оттенкам. В статье не рассмотрены примеры проклятий (*хараал*), состоящие из двух, четырех, шести строк. Показанные лексемы и выражения ввиду своей архаичности представляют безусловный интерес как для лингвистов, так и для фольклористов, этнологов, культурологов. В целом следует отметить, что изучение данного пласта лексики, равно как и в русском языке, связано с определенными затруднениями, обусловленными табуированностью этой темы. Хотя при опросе рассматриваемая тематика не вызывала негативной реакции у носителей баргузинского говора, поскольку первоначальная семантика бранных выражений уже стерлась. Многими отмечается поговорка *хараалай үзүүртэ хорон (шуһан), юрөөлэй үзүүртэ тоһон* ‘на кончике проклятья яд (кровь), на кончике благопожелания масло’. Чтобы защититься от проклятья, по мнению информантов, важна жизненная установка: *Амида хүнаан айхүэйб, альбан боохолдойдо даагдхүэйб* ‘Живых людей не боюсь я, чертям и духам не поддамся я’.

Список литературы

- Архипова А. С. Разыскивается злой колдун // Живая Старина. 2008. № 3. С. 21–24.
БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002.
Басангова Т. Г. Специфика жанра проклятий в фольклоре калмыков // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 120–124.
Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: поэтика и символика. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю. И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 809–819.
Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.

- Содномпилова М. М. «Река начинается с родника, а родство – с дяди по матери»: группа *нагасанар* в монгольском социуме // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 8. С. 100–109.
- Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Новосибирск: Наука, 1980. 271 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. I: А-Н. 636 с.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / авторы слов. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- Одонтөр Ш. Монгол секс үгийн тайлбар. Улаанбаатар, 1996. 80 с.
- Ойрад монголын аман зохиолын дээжис. Улаанбаатар: Номин, 1994. 143 с.
- Чүлтэмсүрэн Р. Эрүүл амьдрах ухаан монгол аман билигт. Улаанбаатар: Сэлэнгэпресс ХХК, 2015. 231 с.
- EDAL – Starostin S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kow. – Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. I–III. 2690 p.
- Less. – Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.

Сундужева Е. В., доктор филологических наук, доцент.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, 670047.

E-mail: sundueva@mail.ru

Материал поступил 09.04.2016

Sundueva E.V.

THE OBSCENE WORDS OF BURYAT LANGUAGE

The author considers the functioning of obscene words in the Buryat language as statements with different objectives, interjections and pejorative words. The research is based on data of the Barguzin dialect of the Buryat language, which preserved the vocabulary of this semantic field. It is revealed that the Buryat obscene words are not used in the speech for the purpose of sending, oaths, and as a neutral insertion. The frequent dyad: *ütegen* 'vulva' – *ozgoi* 'penis' is the core component of obscene words in western dialects of the Buryat language. It is used as interjections, which express extreme variety of emotional connotations (fright, surprise, admiration, regret, etc.). Formulas in question having resemblance with the sentences are curses aimed on extinction of the kin. Equivalent of the third component of "obscene triad" in the Russian language with the meaning 'future' is not so productive in the Buryat language. The author analyses the etymology of some words of this semantic field, describes some ways to protect from being cursed. The obscene words of the Buryat language are used not only in speech. They function in shamanic songs, connected to the continuation of the kin, and reversing infertility.

Key words: *Buryat language, dialect, words, interjection, pejorative.*

References

- Arhipova A. S. Razyskivaetsya zloy koldun [Evil Sorcerer Wanted]. *Zhivaya Starina – Live Olden*, 2008, no. 3, pp. 21–24 (in Russian).
- BAMRS – *Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'*: v 4 t. / otv. red. G. Ts. Pyurbeev [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 vol. Executive Editor G. Ts. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001–2002.
- Basangova T. G. Spetsifika zhanra proklyatij v fol'klоре kalmykov [Specificity of genre of curses in folklore of the Kalmycks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*, 2008, no. 4, pp. 120–124 (in Russian).
- Chagdurov S. Sh. Proiskhozhdeniye Geseriady [The Origin of Geseriada]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 271 p. (in Russian).

- Dampilova L. S. Shamanskiye pesnopeniya buryat: poetika i simbolika [Shamanic songs of the Buryats: poetics and symbolics]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2012. 263 p. (in Russian).
- Levin Ju. I. Ob obstsennykh vyrazheniyakh russkogo yazyka [On obscene words of the Russian language]. Levin Ju. I. *Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika* [Levin Y. I. Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. Pp. 809–819 (in Russian).
- Sodnompilova M. M. *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatelnosti mongol'skikh narodov* [The world in traditional world view and practice of Mongolian people]. Ulan-Udje, Izd-vo BNC SO RAN Publ., 2009, 366 p. (in Russian).
- Sodnompilova M. M. «Reka nachinaetsya s rodnika, a rodstvo – s dyadi po materi»: gruppy nagasanar v mongol'skom sotsiume [“A river begins as spring, kinship begins from maternal uncle”: group of *nagasanar* in Mongolian society]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universitetata. Ser. «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» – News of Irkutsk State University. Ser. "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"*, 2014, vol. 8, pp. 100–109 (in Russian).
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [Buryat-Russian Dictionary: in 2 vol.]. Ulan-Udje, OAO «Respublikanskaya tipografiya» Publ., 2006. Vol. I: A-N. 636 p.
- JeSTJa – *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye leksicheskiye osnovy na bukvy «K», «Q»* / avtory slovarnykh statey L. S. Levitskaja, A. V. Dybo, V. I. Rassadin [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters «K», «Q». Authors entries L. S. Levites, A. V. Dybo, V. I. Rassadin]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 368 p.
- Odontör Sh. *Mongol seks ügijn tajlbar* [Explanation of Mongolian sex words]. Ulaanbaatar, 1996. 80 p.
- Ojrad mongolyn aman zohiolyn djejezhis [Excerptum of Oirad Mongolian folklore]. Ulaanbaatar: Nomin Publ., 1994. 143 p.
- Chültjemsürjen R. *Jerүүл ам'драх ухаан монгол аман билigt* [The understanding of healthy living in Mongolian folklore]. Ulaanbaatar: Sjeljengjypress HHK, 2015. 231 p.
- EDAL – Starostin S. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages* / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Leiden; Boston: Brill Publ., 2003, 2096 p.
- Kow. – Kowalewski J. E. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Kasan: Imprimerie de l'Université Publ., 1849. Vol. I–III. 2690 p.
- Less. – Lessing F. D. *Mongolian-English dictionary*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.

Sundueva E. V.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Ul. Sakhyanova, 6, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047.

E-mail: sundueva@mail.ru